

УДК 82.09(04)

«ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ...»: ЛЕОНИД РЖЕВСКИЙ (СУРАЖЕВСКИЙ)

В. В. АГЕНОСОВ

Институт международного права
и экономики им. А. С. Грибоедова

Леонид Ржевский (1903?1905–1986) – прозаик и литературовед второй (послевоенной) эмиграции. Автор 8 художественных и 2 литературоведческих книг. Проза Ржевского отличается высокой бунинской культурой письма. Во всех произведениях писателя непременно присутствует тема драматической любви. Ржевский любит сопрягать разные временные планы, широко пользуется интертекстуальными вкраплениями. В позднем творчестве усилилось авторское начало, игра с читателем. Как литературовед писал о Булгакове, Пастернаке, Солженицыне и др.

Ключевые слова: *послевоенная эмиграция, традиции, любовь, хронотоп, интертекстуальность, лирическое начало.*

С фотографий на обложках его двух последних книг на читателя смотрит благородное лицо аристократа: пушистые седые волосы, задумчивое лицо много повидавшего на своем веку человека, высоко поднятая (но без малейшего знака высокомерия) голова.

Он и был аристократом: по рождению и по духу.

Леонид Денисович Суражевский родился 8 (21) августа 1903 г. в имении его деда по матери С. В. де Роберти Лацерда под Ржевом (соединение названия этого города и его собственной фамилии он в будущем использует в качестве псевдонима). Среди его далеких предков король Франции Людовик IX Святой (1226–1270); более близких — ученые, генералы, революционеры. Многие в роду занимались литературной деятельностью. В том числе и бабушка будущего писателя Любовь Филипповна Нелидова (Короливно), чья первая книга «Девочка Лида» вызвала восторг Н. Некрасова. Именно она благословила внука на литературный труд, напустив в его грубоватые слова: «Так пиши! С таким абом стыдно не создать себе имени».

Детство и юность Суражевского прошли в Москве. Москва будет неизменно присутствовать в его будущих книгах. Одной из них он даже даст подзаголовок «Московские повести».

«TO YOU SHOWN US THE LIGHT...»: LEONID RZHEVSKY (SURAZHEVSKY)

V. V. AGENOSOV

Leonid Rzhevskiy (1903?1905–1991) is a prose writer, literary critic of the second (postwar) emigration. He is author of 8 artistic and 2 philological books. The prose of Rzhevskiy distinguishes for its high Bunin's writing culture. In all works of the writer there is always a theme of dramatic love. Rzhevskiy likes to join different time planes, he widely uses intertextual inclusions. Author's element and play with a reader increase in the author's later creative work. As a philologist, he wrote about Bulgakov, Pasternak, Solzhenitsyn and others.

KEYWORDS: *post-war immigration, traditions, love, chronotope, intertextuality, lyrical element.*

Будущий писатель принимал самое активное участие в бурной культурной жизни Москвы 1920-х годов: играл в театре и ходил по контрамаркам на самые знаменитые спектакли; сочинял пьесы; увлекался художественным чтением (декламацией) и даже заслужил одобрение самой О. Книппер-Чеховой. Судьба сводила его с В. Маяковским и С. Есениным, с А. Луначарским, Н. Крупской и сестрой В. Ленина — А. Елизаровой-Ульяновой.

В 1930 г. Л. Д. Суражевский закончил литературно-лингвистическое отделение Московского педагогического института имени В. И. Ленина. В 1933 г. он вместе с двумя другими молодыми учеными (А. А. Новицкой и Н. Г. Турбиным), публикует учебник «Курс русского языка», а чуть позже становится аспирантом МГПИ. Среди его учителей был и академик В. В. Виноградов, уже тогда травимый бездарями (отзвуки институтских баталий зазвучат в «Сентиментальной повести» Ржевского 1954 года).

По словам писателя, «воспоминания о тридцатых годах (об общем и личном)» у него «самые мрачные». Семейная жизнь не удалась, а «добывание средств к жизни требовало огромного напряжения сил. Случались дни, когда у меня бывало по двенадцати лекций». Кроме лекций (вузовских и публичных) молодой уче-

ный подрабатывал рецензиями в Гослитиздате, а по ночам писал кандидатскую диссертацию о языке комедии Грибоедова «Горе от ума». 28 июня 1941 года он защитил диссертацию, а уже 1 июля ушел на фронт в звании лейтенанта.

На фронте был сначала переводчиком, затем — помощником начальника разведки дивизии. Выводя из окружения автоколонну дивизии, попал на мину и очнулся уже в немецком плену.

1941–1942 гг. провел в лагерях для военнопленных, где получил язву желудка и туберкулез. В 1943 г. ему предложили работать с учителями русских школ под Смоленском: немцы хотели открыть народные школы. Это было спасение, и пленный согласился. Но темы выбирал исключительно общеметодические: «Как прорабатывать книгу», «Как готовиться к докладу». Впрочем, и эта деятельность длилась недолго: в конце 1944 г. туберкулез обострился, пропал голос. Да и немцам стало не до организации школ. Чудом удалось попасть на лечение в Германию. Сначала в Дрезден (как раз, когда город бомбили американцы), затем в больницу недалеко от Мюнхена. Несмотря на приговор врачей о двух-трех неделях жизни, больной выжил. Как он сам считает, этому способствовала разыскавшая его вторая жена Агния Сергеевна Шишкова (ставшая ему другом, помощником и опорой на всю оставшуюся жизнь). Частично эти события легли в основу повести «...показавшему нам свет» (1960).

До 1950 г. супруги живут в Германии, перебиваясь самой различной работой, в том числе и литературной (статьи о языке, обзоры советской литературы).

В 1949 г. в «Гранях» была опубликована первая повесть Ржевского «Девушка из бункера», позднее отредактированная им и переименованная в «Между двух звезд». Его лингвистическую работу «Язык и тоталитаризм» (1951) публикует Мюнхенский институт по изучению СССР. С 1950 г. Ржевский сотрудник литературно-художественного журнала «Грани», а с 1952-го — его главный редактор.

В 1950-е годы состоялось знакомство писателя с русским литературным Парижем, где жили писатели еще первой волны русской эмиграции. Ржевский понравился самому И. Бунину, известному своей строгой оценкой окружающих. Состоялось знакомство с Б. Зайцевым, А. Ремизовым, М. Алдановым, Г. Адамовичем, Тэффи, В. Маклаковым.

С 1953 по 1963 гг. писатель-ученый читает лекции по истории русского языка и русской литературе в Лундском университете (Швеция). Здесь написаны «Сентиментальная повесть», «Двое на камне», исследование «Язык и стиль романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и многие другие лингвистические статьи.

С 1963 г. и до своей кончины 13 ноября 1986 г. Ржевский с женой жил в США. Преподавал в Оклахомском и Нью-Йоркском университетах, присвоив-

ших ему соответственно звания Почетного доктора и Заслуженного профессора. Здесь им написаны романы «Две строчки времени» (1976), «Дина» (1979), «Бунт подсолнечника» (1981) и завершена повесть «Звездопад» (1963–1983).

Перу Ржевского принадлежат несколько литературоведческих книг: «Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы» (1970), «Творец и подвиг» об А. Солженицыне и «Три темы по Достоевскому» (обе — 1972), «К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики» (1990), множество статей и рецензий. Предметом его постоянного научного интереса были произведения А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Б. Пастернака, А. Солженицына, И. Бабеля. Писал он и о своих современниках: Д. Касновском, Н. Моршене, В. Синкевич, В. Максимове.

На родине книги Ржевского долго были неизвестны. Лишь в 1991 году журнал «Север» (№ 1–2) опубликовал роман «Две строчки времени», практически незамеченный критикой. В 2000 г. автору этой статьи удалось издать однотомник Л. Ржевского, куда вошла последняя редакция романа «Между двух звезд», сохраненная в рукописи женой писателя, «Сентиментальная повесть», повести «Две строчки времени» и «Звездопад», а также 4 рассказа.

Тематика произведений Ржевского во многом характерна для творчества писателей второй волны русской эмиграции.

Начиная с повести «Девушка из бункера», писатель постоянно возвращается к теме войны и плена.

Заслугой Л. Ржевского стала предельная объективность изображения той стороны войны, которая вошла в советскую литературу много позже рассказом М. Шолохова «Судьба человека», повестями К. Воробьева («Это мы, Господи») и В. Семина («Нагрудный знак «Ост»). В частности, Л. Ржевский показывает многочисленные картины бесчинств и зверств эсэсовцев в лагерях для военнопленных. Здесь и рассказ о том, как избивали пленных за вынутую из пайкового пакета щепотку табака и промокшее печенье. И упоминание, как охрана расстреливает приблизившихся к изгороди пленных, чтобы взять принесенные сердобольными крестьянами продукты. Колоритно выписан портрет эсэсовца Франца, являющегося в бараки «боксировать» с обессиленными заключенными, а по сути использующего их как «груши» для битья. Подробно и страшно нарисован описан вид красавицы-еврейки Руфь, изнасилованной фашистами и отправляемой в лагерь смерти. Из главы в главу переходят скупые сообщения о голоде, холоде, эпидемиях тифа, о тысячах умерших.

При этом писатель не щадит и тех русских, кто, став лагерным полицейским, старостой барака или санитаром, ведет себя подобно эсэсовцам: тиранит пленных, доносит немцам на своих, берет взятки за

помещение в теплый барак, вместо ухода за больными жирует за их счет.

Вместе с тем писатель показывает и тех русских людей, которые по советским законам того времени считались бы коллаборационистами за сотрудничество с немецкими властями. Это русские коменданты лагеря Кожевников и Плинк, доктора Камский и Моталин, благодаря которым удавалось облегчить, а то и сохранить жизнь тысячам пленных.

Столь же диалектично показаны в романе и немцы. «Немцы – они разные», – утверждает простая русская женщина Анна Ильинична. И автор с этим вполне согласен. Как правило, это рядовые солдаты, младшие офицеры. В отличие от живущих теориями начальников, ими движут чувства, сердце. Таковы три немца Курт, Эрих и Вебер, живущие в доме Анны Ильиничны. Они понимают патриотические чувства русских хозяев дома и сами предлагают пользоваться радиоприемником, чтобы слушать Москву. Ни слова не сказав, молчаливый Вебер, попробовав пустые щи, приносит Анне Ильиничне кусок копченой грудки из своего пайка. Немецкий врач Шустер организует прием больных крестьян и гордо отказывается от приносимых ими продуктов, хотя другие немцы ходят по дворам и эти продукты отбирают силой.

Это разделение персонажей на живущих по доводам ума и по велению сердца в ином виде, но проходит и через систему образов русских героев романа, как главных, так и второстепенных.

Наиболее дороги писателю герои, чье сердце проникнуто христианской моралью: сочувствием к людям без разделения их по социальному, национальному или иному признаку. Любимица автора Милица одинаково сочувствует и убитому партизаном Степкой немецкому часовому («бедненький»), и расстрелянному советскими органами дезертиру, оставленному на дороге в назидание другим («бедненький»). Она отчетливо различает «варварство немцев», вырубивших на кладбище деревья и «славных» Эриха, Курта, Вебера. В равной степени ей неприемлемы расстрелы, проводившиеся НКВД и гестаповцами: «У Милицы никогда не проскальзывало казенной затверженности в высказываниях. Она решала все сердцем и, как казалось Заряжскому, всегда верно, без каких-либо натяжек».

Запоминается эпизодическая фигура священника, отдающего свой хлеб раненому летчику, спасшему мальчишку-пленного и умершему от дистрофии. В его поступках тоже нет ничего умственного: он живет по велению сердца.

И все же при всей любви писателя к героям, сердцем решающим все жизненные проблемы, в центре внимания писателя-интеллигента – персонажи рефлексирующие, задающиеся извечным русским вопросом «Что делать? Чем жить дальше?», драматически выбирающие между двумя звездами: «Ну, хорошо, большевики

– враги. Но что все-таки за попутничество между ним, например, Заряжским, и – Геббельсом? До каких пор им – по пути? И вообще по пути ли? Что делать? Какая в самом деле головоломка – найти себе место в этом немислимом лабиринте событий и отношений» – вот мысли, которые мучают Загряжского, руководящего ансамблем «Карусель».

«Пятиконечная белая – с одной стороны, пятиконечная красная – с другой. Красная несет смерть, а белая...». Это уже размышляет другой герой романа – Ф.Ф. Плинк. Многогочие характерно.

«Мир придет к страшному кризису, к столкновению двух систем: коммунизма и демократии... Мы как ничейные по своей беспризорности, окажемся между двух звезд», – настаивает третий персонаж – казак Сомов, предлагая пойти своим путем – создать русскую освободительную армию, на что Заряжский совершенно справедливо замечает, что идея Сомова – утопия.

Задолго до Г. Владимова Л. Ржевский показывает, что война породила чувство патриотизма даже у тех, кто не любит большевиков. «Вот оно духоборовское упрощенство, – рассуждает Заряжский, – или немцы или большевики. Патриотизм сбрасываем со счетов, а он – на тебе – возрождается». Нашествие, по Ржевскому, было оскорбительно для русского народа. По мере пребывания немцев в России росла неприязнь к ним среди населения и – соответственно – патриотизм.

Идея патриотизма и трагедии патриотов, оказавшихся между двух звезд и составляет содержание романа Л. Ржевского. В политической жизни писатель не видит выхода из этой ситуации. В личной – такой выход составляет любовь.

Тема войны и любви звучит в рассказе «Клим и Панночка», отзвуки войны составляют содержание повести «...показавшему нам свет» о чудесном выздоровлении бывшего военнопленного Вятича.

Характерно, что во всех этих произведениях появляется тема Бога. В юности, рассказывает писатель о Заряжском, «Библия, Евангелие, Апокалипсис показались такими нереальными, то наивными». И лишь позже «как-то внезапно возникла охота верить, и, снова взяв Евангелие, он вдруг почувствовал его величественную, покоряющую глубину». В беседах героев повести о России возникает слово «воскресение», выделенное писателем разрядкой.

Вера в Бога помогает Вятичу из повести «...показавшему нам свет» обрести силы и выжить всем смертям назло. О Боге и бессмертии рассуждает герой рассказа «За околицей» Багулин. «Бог и есть гармония», – высказывает заветную мысль писателя герой-рассказчик из романа «Две строчки времени».

Из повести в повесть переходит так же характерная для всех писателей второй волны тема репрессий 1920–1940 годов в СССР и порожденного ими стра-

ха. Страх удерживает героя «Сентиментальной повести» выступить в защиту своего учителя – талантливого лингвиста. Страх заставляет молодого писателя из повести «Двое на камне» искажать правду жизни и подменять сцену ареста отца любимой девушки его болезнью, а свои и ее терзания изображать как проявление недостойной советского человека рефлексии и индивидуализма. Страх за мать и понимание своей беззащитности толкают героиню повести «Сольфо Миредо», носящую чеховское имя Мисюся, в объятия пьяницы и насильника. Арест родителей возлюбленной и стремление спасти ее самое заставляет рассказчика из «Двух строчек времени» и рассказа «За околицей» пойти на компромисс с НКВД и своей совестью. (Сам факт настойчивого обращения к этому сюжету — свидетельство устойчивой памяти писателя.) Боязнь приводит героиню романа «Дина» к сотрудничеству с органами. Страх за Таню вынуждает героя «Звездопада» пойти на страшную ложь во спасение.

Однако эта типологическая общность тематики и характерологии персонажей не лишает произведения писателя глубокой индивидуальности.

Неповторимость книгам Ржевского придает проходящая через все творчество писателя тема любви; любви всепоглощающей и воскрешающей; любви, свойственной всем временам и — более того — объединяющей разные поколения. Чаще всего любовь эта несет трагический оттенок (суровое время или жизненные обстоятельства разлучают возлюбленных), но, как и у любимого Ржевским И. Бунина, она живет в памяти рассказчика (все произведения писателя написаны от первого лица), неизбежно побеждая разрушение личности или даже воскрешая к жизни не только рассказчика, но и описываемых им людей, в том числе еще в недавнем прошлом циников и сластолюбцев (тот же Батулин из рассказа «За околицей»; Пьер из повести «Звездопад»).

Ржевский любит сопрягать времена. Название его повести «Две строчки времени» отражает композиционное построение многих его вещей: действие разворачивается в настоящем, а прошлое всплывает в сознании героев, рассказывается во вставных новеллах (мемуарах героя, воспоминаниях других персонажей, фрагментах чьих-то дневников, письмах).

Наиболее характерными для раннего творчества писателя являются «Сентиментальная повесть» и «Двое на камне».

Уже начало первой из них проникнуто щемящей ностальгией по давно ушедшему времени: «Эту повесть я начал в Москве! Москва! Когда, зажмурившись, произношу я это имя, я слышу московский воздух. Один мой друг и земляк, объехавший мир, уверял, что любую столицу узнает с закрытыми глазами, если высадят его в ней, скажем, с самолета. По запаху. Воздух Москвы, говорил он, необыкновенно тонко пахнет

свежераспиленным деревом и юфтью. По веснам — сиренью и юфтью. Пахнет чисто, свежо, как ни в одном другом из городов — громадин мира. <...> Именно такой воздух вдыхаю я, вспоминая Москву. <...> Воздух! Воздух! Он срывался со всех семи московских холмов, лился в прокуренное горло вдохновенно пестрый и пьяный, как коктейль: с Кремлевского — прохладный, торжественно-бронзовый, от Нескучного — березовый, от взлетающих над рекою мостов — влажно-рыбный с зеленой гранитной плесенью...»

Герой-рассказчик вспоминает историю своей молодости, любовь к студентке-максималистке Жене, порвавшей с ним после того, как он вопреки ожиданиям девушки не выступил в защиту справедливости, да еще и придумал множество оправданий своему мало-душью.

Выразительно, по-бунински точно, описана сцена их объяснения, в которой девушка готова облегчить любимому покаяние, а он тупо продолжает настаивать на своей правоте:

«Я хотел вам непременно изложить свою позицию... — Какую... позицию? — спросила она, глядя теперь уже не в сторону, а вниз, на свои тапочки — резиновые, с желтой полоской спортивные тапочки, надетые на босу ногу. Как они напряжены были, эти тапочки! Особенно — одна, под круто выкрутившимся, с голубой жилкой подъемом, растиравшая носком песок — мелкими, упрямыми полукружьями-толчками: раз, другой, еще... До чего запечатлелись они в памяти, эти тапочки, ожидающие, что я скажу.

— Позицию в этой истории Радова. Тогда, на совещании...

— Не стоит об этом сейчас...

— Почему? Я целую повесть задумал. На этот сюжет. Обязательно хочу показать вам понагляднее, почему я был прав.

Трудившаяся на песке тапочка стала вдруг на всю ступню, застыла.

— Прав? — переспросила Женя. — Вы был прав? <...> Спрашивая, Женя взглянула мне в глаза, и теперь не ожидание было в них или неловкость, а почти отчуждение. — Глаза в глаза, — и я первый отвел свои.»

Все последующие годы, в том числе на фронте и в плену, герой-рассказчик «сентиментально» вспоминал Женю и свое разрушенное счастье, все более и более упрекая себя за предательство и сочиняя различные счастливые концы этой истории. Повесть заканчивается сентиментальным оправданием иллюзии: «Верить в то, что те там, кого мы любили, живы еще и помнят о нас, даже ждут — иллюзия. Но так — легче.

Милая Женя, я дописал эту повесть для тебя!»

Гораздо трагичнее судьба главного персонажа повести «Двое на камне». Молодой талантливый литератор Саша Лишин в угоду нормативам социалистического реализма «удушил личный мотив» и вместо

подлинной драматической истории своей любви к прекрасной энергичной девушке Вике («капитану», как он ее зовет), создал рассказ «Не в одиночестве», где Вика, переименованная в Веру, толкует индивидуалисту-герою Алексею о пользе работы простым учителем, «затем Алексей, как на крыльях, уже почти исцеленный от опасного индивидуализма», возвращается в Москву, дает комсorghу сообразительство провести на «отлично» пробный урок и сделать доклад в кружке по изучению марксизма-ленинизма». Переживания девушки, связанные с арестом ее отца, юный писатель заменил мелодраматичным повествованием о тяжелой болезни старика, о подвигах врачей, его спасших, и всеобщем ликовании по этому поводу. Много лет спустя волей судьбы автор рассказа «Не в одиночестве» оказался на Западе и незадолго перед смертью переделал свой прежний рассказ в трагическую историю «Двое на камне», куски («звенья») которой, как и первого варианта, Ржевский включает в текст повести. Теперь он дает подлинную картину того далекого времени.

Тема преобразующей любви составляет содержание рассказа «Рябиновые четки» (1958) и поздней повести «Дина» (1979).

В экспозиции рассказа «Рябиновые четки» настойчиво создается портрет неказистой девушки, по сути дела лишенной всего женского: «Эту Ульрику, воспитанницу нашей хозяйки, мы воспринимали, главным образом, как шум: счесть немислимо, сколько раз на дню оттопывала она вверх-вниз по нашей скрипучей лестнице кожемитовыми от вечной босоногости пятками. Должно быть, из-за этого грохота мы с женой ощущали и видели Ульрику, начиная именно с ее шумных подростковых ног, нескладно-тонких, словно перевязанных узлами в коленках, с острыми, в синяках, лодыжками, цеплявшими одна за другую на ходу. Оно, если смотреть и выше, не было ничего складного: одни узости и впалости и бледное вытянутое личико с принудительной улыбкой на тонких губах; были, впрочем, густые, словно наклеенные, ресницы над диковато потупленным взглядом и толстые косы, маячившие, когда она бегала».

Писатель развивает этот портрет, используя емкие сравнения (в эмигрантской критике не раз указывалось, что Ржевский — мастер портрета): Ульрика, идущая в воскресные дни в церковь, похожа на «церковную брошюрку в темной обложке»; Ульрика, загорающая под рябиной, напоминает «компасную стрелку, вертящуюся по движению солнца».

И вдруг однажды рассказчик и его жена увидели иную Ульрику. Нанизанные на нитку ягоды легли ожерельем ей на шею, кисточки рябины стали серьгами, а лицо ее сияло радостью. «Ничего от бывлой уловатости, колючести плеч и движений! Какой ювелир и когда отшлифовал вдруг эту девчонку, сыскал неожиданные пропорции, где подточил, где прибавил овала,

глазури, свечения». Взрыв красок, пишет Ржевский, был «неповторим, как рождение, как запах лопнувшей почки, развертывающейся в листок, а радость принадлежала сюда же». «Повод» для этой метаморфозы «звался Альбертом». И хотя, по описанию рассказчика, не было в этом батрачонке «с ломким баском и застенчивой косолапостью» ничего особенного, для Ульрики это была первая и великая любовь, «первое цветение». После первого свидания с юношей в лице девушки «ни следа не осталось от прежних бледномочных черт. Оно казалось прелестным, несмотря на искаженность, светилось непонятной какой-то силой и радостью, несмотря на мокрые ресницы, а растекшиеся от слез губы были похожи на слово «целую» в конце письма, неосторожно промокнутое промокашкой...»

Чувство любви, по Ржевскому, не знает возрастного предела. Ему все возрасты покорны. Пожилой художник, герой романа «Дина», ощущает прилив творческих и физических сил, встретившись с молоденькой русской эмигранткой Диной. Его не останавливает ни разница в возрасте, ни ее замужество, ни уверения друзей в том, что она осведомитель КГБ (что, кстати, оказывается правдой). Впрочем, и ее перерастающее в любовь общение с духовно богатым человеком, каким является рассказчик — художник Пьер — Петр Петрович; ее знакомство со священником о. Андреем, сестрой рассказчика Моб и ее другом Буровым, смешными в своей «зацикленности» на шпиономании, но в целом добрыми и хорошими людьми, воскрешает Дину к новой жизни. Как говорит Моб, «радиация добра оказалась сильнее радиации ненависти».

Как это часто бывает в финалах произведений Ржевского, герои расстаются. Может быть, ненадолго, может быть, — навсегда. Но в сознании рассказчика последняя встреча с воскресшей к новой жизни Диной становится сакральной. Минуты молчания рассказчик воспринимает как разговор, но не друг с другом, «а с неким — Третьим, в руках которого триптих времени, наше вчера, сегодня и завтра. Они невероятно и непредвиденно вдруг смыкаются, зажигая вокруг проникновенный свет, в котором значительны одни только произнесенные слова, а прочие, какими все-таки обмениваемся, не нужны и ничтожны».

Встреча времен и вечность чувств составляют и содержание романа «Две строчки времени» (1976).

Сюжет романа составляет встреча рассказчика бывшего москвича, интеллигента, а ныне эмигранта с современной полурусской двенадцатилетней девушкой Ией Шор, имя которой навевает герою воспоминания о другой Ие (дома ее знали Ютой) из его юности. В роман включены главы из мемуаров рассказчика о довоенной жизни в России. Во имя спасения Юты герой должен идти на нравственный компромисс, писать в НКВД, что девушка не чета своим старорежимным родителям, что она, «выросшая в благотворных

условиях советской школы, является здоровым и сознательным членом нашего советского общества, нашей молодежи».

Рассказ о целомудренности Юты-Ии, единственную ночь проведенную с любимым и сдержавшей данное матери перед арестом слово «не стать любовницей, но только женой», а позднее изнасилованной и зараженной сифилисом в лагере, куда она все-таки попала, вызывает сначала непонимание, а затем производит нравственный переворот в душе слегка циничной и живущей сексуально свободной жизнью американской тетки Ии.

Впрочем, по ходу развития сюжета выясняется, что и путь современной девушки не устлан розами. Иные, но тоже суровые жизненные испытания подстерегают современную молодежь, чем и вызван ее нигилизм, самоуверенность, идущая от растерянности. Приятельница рассказчика Моб (книги Ржевского — единый художественный мир, герои переходят из повести в повесть, из романа в роман: Моб, ее брат Пьер, эстет Сергей Сергеевич, знакомые читателю по роману «Дина», действуют и в «Двух строчках времени», Пьер появляется в последнем произведении писателя — повести «Звездопад») говорит об Ие: «Замечательная натура, одареннейшая, но — тот же <что у Раскольникова — В.А.> надлом души! В четырнадцать лет ее обесчестил один мерзавец, и эта личная травма как-то переплелась в ней с их теперешним отрицанием, желанием разрушить все решительно Домострой, с эмансипацией, ну с этой, как у Раскольникова, крайностью самоутверждения...».

Между пожилым писателем и Ией возникает на какое-то время взаимопонимание и любовь, описанная по-бунински эротично и вместе с тем благородно: «Что-то околдовало меня. Я бродил губами по раскаленному телу, вонзал их в шелковистую плавучесть живота, в бархатистую влажность под упругой щекотью волос и — медлил, задыхаясь, медлил оторваться для нового вздоха и нового касания». Рассказчик сравнивает их любовный порыв с хрустом, вкусом, глотком яблока, дающими «жизнь, жизнь, жизнь».

Ия, еще вчера считавшая мораль предрассудком старого писателя, отрицавшая «старомодную» классическую музыку, к финалу Шестой симфонии «включается почти целиком в эту почти мистическую мозаику звуков — я вижу, как поводит ее кряду несколько раз в такт скрипичным пронзительным взлетам и отжимает краску со щек. «Страшно! — говорит она полупрошептом. — И знаете: это словно обо мне!...»

В финале романа Ия вновь испытывает неудовлетворенность жизнью и исчезает. Любовь и ответственность за ее судьбу гонит рассказчика на ее поиски: «а вдруг! Как где-то в чьих-то стихах: Ищу на тебя похожих — \И нет на тебя похожих...»

Финал романа — типичный для прозы Ржевского. После очередной неудачной попытки обнаружить девушку герой испытывает физическую боль: «Господи! — повторял я снова. — Что же это было? Что?.., неужели не суждено мне дознаться обо всем до конца? Или это и был — конец?..»

Очевидно, что речь идет не только об Ие, но о жизни, о вечной ее тайне, о невозможности существования без любви и о силе самой любви.

Роман «Две строчки времени» с образом мятущейся героини лишь завершает галерею русских персонажей писателя, порой мучительно, порой трагикомично ищущих и не находящих свое место в жизни. Тема эта развивается в рассказах «Полдюжины талантов» (1958), «Через пролив» (1961), «Малиновое варенье», в повести «Паренек из Москвы» (1957) и романе «Бунт подсолнечника» (1981).

Вслед за Ф. Достоевским писатель показывает противоречивость человеческой личности, рисует мятущиеся характеры русских людей в эмиграции.

В рассказе «Полдюжины талантов», как и в романе «Две строчки времени», писатель размышляет, может ли русский человек обрести гармонию.

Большинству персонажей Ржевского это не удается. Но то, чего часто не хватает объективизированным персонажам Ржевского, в избытке у рассказчика. Именно это обстоятельство позволяет говорить не о служебной, а о функциональной роли повествователя, предельно сближенного с автором.

Носящий разные имена (кажется, только в «Климе и Панночке» рассказчика зовут Леонидом), повествователь в книгах Ржевского является одновременно и активным действующим лицом.

В поздней прозе писателя это «задумчивый старикан» (такое название носит завершающий книгу «За околицей» рассказ), философ-созерцатель, с высоты прожитой жизни и перед лицом мудрой старости (постоянная тема последних произведений Ржевского) чувствующий ответственность за судьбу окружающих его людей и — шире — за судьбу будущего.

Именно он увидел в посетившей лекцию его разочарованного друга девушке-эмигрантке «энтузиаста неведомой родины и всего русского, известного лишь понаслышке и зароненного в душу» («Через пролив»). Именно он пожалел одинокого паренька, брошенного своей спутницей, и, введя в ткань повествования сказочный рассказ о старом и уродливом кактусе и кокетливой камелии, придал этой истории философский смысл (рассказ «В бинокль»). Именно рассказчик неравнодушен к поколению «волосатиков»-нигилистов XX века и в то же время страдает за сломанную жизнь своих сверстников (рассказ «Задумчивый старикан», романы).

В прозе Ржевского последних лет рассказчик все чаще непосредственно обращается к читателю, вводит его в тайны писательского мастерства, рассуж-

дает (но не морализирует), отвлекается, использует притчевое повествование. При этом писатель склонен гармонизировать жизнь, принимать ее сложность и неоднозначность. В статье о А. Чехове Ржевский писал: «Мироощущение Чехова было удивительно синтетично, целостно и гармонично в самом себе, то есть [...] он чувствовал сложную противоречивость жизни, слиянность в ней до нерасчлененности светлого и мрачного, улыбки и отчаяния, блаженства и смертного горя; и этот синкретизм мироощущения — главное в поэтике Чехова». Эта оценка может быть полностью отнесена и к самому Ржевскому.

Единственное, чего не может принять писатель и соответственно его повествователь, — нравственный цинизм. Никакие таланты и никакой ум не оправдывают в его глазах «Паренька из Москвы», во имя карьеры пожертвовавшего своими друзьями и живущего двойным миропониманием: одно — трезвое (в разговорах со старым эмигрантом за границей), другое — лицемерно-фанатичное и деляческое (на родине — и при возвращении туда из заграникомандировки).

Будучи лингвистом по образованию, филологом по призванию, Ржевский большое внимание уделял языку своих произведений.

Выше уже говорилось о его мастерстве в создании портретов персонажей. Не менее емки и выразительны его беглые характеристики, замеченные детали: «пастор, приехавший хоронить на мотоцикле»; «собачонка, похожая на выкусанный початок»; «учительницы, увядшие от педагогики, но все еще алчно, как промокашка, впитывающие в себя разные бесполезные знания»; «бледно-немочные черты», «сиротская колючесть лодыжек»; «дверь, чмокнув клеенчатой кромкой, открылась»; «клеенка на двери полопалась и сопрела; в прорехи ползли клочья ваты; было похоже на перевязку, забытую уже на безжизненном теле».

Не менее выразительны и пейзажные зарисовки писателя: «Околица была в ветре и листе — звонком, желтом, широколопастном — с каштанов, и мелкозорчатом — от какой-то повители по стенам, похожей на пенки с вишневого варенья»; скинутое деревьями «листяное богатство грудилось в кюветах сугробами, пузырящимися на ветру, как желтая пена»; «одуванчики взрывались летучей щекотной картечью под взмахи альпийского ветра»; в конце февраля снег «лежит с предсмертно-серым конопатым лицом, раздумывая, вероятно, о превратностях судьбы», у кактуса были «как подагрой раздутые бугры, морщины и колючки».

Пользуясь в основном московским литературным языком, Ржевский умел по мере необходимости включать в повествование народные словечки и выражения: «растеплев»; «загорячело в груди»; «утекать» из памяти; «вычинить» белье; «быт, припаявший к месту».

Среди излюбленных писателем слов-лейтмотивов — «звезды» (не случайно свою последнюю повесть он назвал «Звездопад»), «фэн» (теплый сухой ветер в горной стране) и «пока». Два первых несут символическое значение счастья, вечности, обретенной гармонии. Последнее служит знаком неустойчивости бытия. Герои разных произведений произносят его как кратковременное прощание («до завтра»), не подзревая, что рок может разлучить их на годы или навечно.

Проза А. Ржевского понемногу становится достоянием отечественных любителей литературы. Автору этой статьи удалось издать при поддержке Русского исследовательского фонда США и издательства «Посев» однотомник писателя, защищены 2 кандидатские диссертации о творчестве Ржевского. Но большая работа по освоению всего наследия этого замечательно-го мастера слова еще впереди.

Агеносов Владимир Вениаминович
д.ф.н., профессор Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

☉ г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 21,
тел.: +7 (495) 567-73-41, e-mail: vlad-agenosov@yandex.ru